

УДК 316.75

DOI 10.21661/r-112493

Л.С. Яковлев, О.А. Сиротенко

**ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
МОЛОДЕЖНЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация: в современном российском обществе отсутствует целостное, единое представление о социальной поляризации. Это обусловлено противоречивым соединением ряда культурных традиций. Нет и единого отношения к гендерному неравенству. В этих условиях молодые поколения пытаются выстроить компенсационные стратегии гендерных отношений. Эти стратегии не всегда оказываются адекватными, что становится одним из факторов кризиса семьи.

Ключевые слова: социальная поляризация общества, гендерное неравенство, генезис представлений о неравенстве, гендерные стратегии молодежи.

L.S Yakovlev, O.A. Sirotenko

**GENDER INEQUALITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL POLARIZATION
OF RUSSIAN SOCIETY: THE YOUTH DIMENSION**

Abstract: in modern Russian society there is no holistic, single view of social polarization. It is caused by a number of controversial compound of cultural traditions. Is not present and a single relationship to gender inequality. In these circumstances, the younger generations are trying to build a compensatory strategies of gender relations. These strategies are not always adequate, which becomes one of the factors of family crisis.

Keywords: social polarization of society, gender inequality, the genesis of the of ideas about inequality, gender youth strategies.

Актуальность темы определяется кардинальной значимостью гендерных отношений в современных обществах. Это обусловлено глубиной транзитивных

процессов, имеющих различную природу в разных регионах, но характерных для всего мира, в том числе, для России. При этом изменениям оказываются подвержены все базовые схемы социальных взаимодействий, включая связанные с гендерными отношениями. Традиционные распределения ролей оказываются неадекватными новым условиям, меняются установки, ценности, стереотипы поведения.

Одним из лейтмотивов социально-экономических перемен выступает социальная поляризация. Она не является непреложной необходимостью для транзитивных процессов, но в обществах, переходящих к рыночным отношениям от отношений любого иного типа, оказывается закономерной. Имущественная, а вслед за ней, социальная дифференциация агентов рынка обусловлена самими отношениями купли-продажи, предполагающими возможность выигрыша, и, соответственно, проигрыша, кого-либо из участников сделки.

Для современной России эти процессы оказываются достаточно болезненными, поскольку в менталитете продолжают сохраняться пласты миропонимания, свойственного советской эпохе, когда не только имущественное неравенство, но и рынок, как таковой, воспринимались негативно. В то же время, для определенной части населения именно неравенство представляется важным условием преобразования общества, как инструмент мотивации, институционализации рыночных отношений. Этим провоцируются потенциальные конфликты.

Интерполяция этих процессов с гендерными отношениями порождает набор достаточно сложных коллизий. В СССР меркантильная составляющая брачно-семейных отношений маргинализировалась, в официальной идеологии просто трактовалась, как не существующая, присущая лишь «капиталистическому прошлому». Однако, новые поколения восприняли, скорее, не идеологические догмы, а повседневный опыт родителей. А в этом опыте «выгодный брак» присутствовал, как реальная и желаемая возможность, вписываясь в общие представления о «блате», использовании группового символического капитала.

Между тем, еще М. Вебер показал, что аскриптивный принцип формирования элит противоречит логике индустриального общества. В этом смысле, попытки советской власти в начале 20-х годов ограничить роль института семьи полностью вписываются в парадигму модернизации. Однако, даже в советском обществе эти попытки потерпели неудачу. Тем более, сомнительными представляются шансы дистанцировать, в общественном мнении, гендерные отношения от социального капитала сегодня. Важность обсуждаемых аспектов проблем гендерных отношений и социального неравенства обусловлена тем, что они затрагивают интересы абсолютного большинства людей, а от степени успешности разрешения сложившихся противоречий во многом зависит стабильность и потенциал развития общества в целом.

Риски, обусловленные социальной поляризацией, в последние годы стали предметом развитого научного интереса. В работах В.Н. Бобкова, О.В. Вередюка [1], Р.И. Акьюлова [2], Ю.С. Оганисьяна [3], С.И. Лошкаревой-Имгрунт исследуется негативное воздействие неравенства на социальную стабильность. Л.А. Бакланцева [4] обращает внимание на видимый парадокс: порожденное, прежде всего, реформами, неравенство становится препятствием для них.

Формы гендерного неравенства середины второго десятилетия XXI века проанализированы Ю.В. Головиновой [5], А.А. Козыревым, Д.А. Горячевой [6], Л.А. Василенко, М.А. Кашиной [7], С.В. Жуков, Д.П. Дербенев, Е.Г. Королук, М.В. Рыбакова, В.П. Петров, М.К. Терещук, Т.В. Семакова, Н.В. Шарый [8] рассматривают формирование ценностных ориентаций юношей и девушек. Таким образом, в современной научной литературе объектом изучения стали адаптивные стратегии молодежи в условиях осложненных социальной поляризацией гендерных противоречий.

Предметом нашего анализа является воздействия восприятия социального неравенства на гендерные стратегии, на уровне выбора партнера, и на конструирование своей гендерной идентичности. Наше эмпирическое исследование построено на материале нарративных интервью (14 юношей и девушек 22–26 лет, г. Саратов, весна 2016 года).

Рефлексии понятия «неравенство» в современном российском обществе оказываются достаточно сложными и разнообразными. Это обусловлено историко-культурными особенностями. В российской истории нет практик реализации идей равенства в тех масштабах, какие имели место в европейских странах. Апостольские братья, последователи Дольчино, табориты, лолларды, большинство анабаптистских сект рассматривали имущественное уравнивание как первостепенную задачу. Это происходило потому, что в повседневной жизни участники этих движений сталкивались не с римским папой или императором Священной римской империи, а с богатыми соседями. И именно эксплуатацию с их стороны воспринимали, как главную проблему.

На Руси так же обстояли дела до рубежа XIII–XIV столетий, когда начался процесс централизации власти и собственности. Поэтому мы можем наблюдать идеи равенства в литературных памятниках переходной эпохи, типа «Жития Андрея Юродивого», но не в идеологиях массовых движений. Мятежи XVII–XVIII веков в этом плане несколько иное явление. Они носили комплексный характер, и представляли собой форму диалога с центральной властью, о чем ясно свидетельствует значимость института «самозванства».

Неудивительно, что и апологизации неравенства в России принимали несколько своеобразные формы. Показательны, в этом плане, взгляды Константина Леонтьева. Свою позицию он определяет как «философскую ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни», «вторичному смешению», разрушению «цветущего неравенства». Для красоты цветущей сложности одинаково губительны и социализм, и капитализм, ибо один откровенно провозглашает социальное равенство, другой ведет к уравнительности потребностей, вкусов, околокультурных стандартов. Коммунистическое равенство рабов и буржуазное сползание в массовую культуру – это смесительное упрощение, свидетельствующее о разложении, гниении, старении органического целого. «Будет разнообразие, будет и мораль: всеобщее равноправие и равномерное благоденствие убило бы мораль»; толки о равенстве и всеобщем благополучии – это «исполинская толщина всех и все толкущая в одной ступе псевдо-гуманной пошлости и прозы» [9]. На уровне

практических идей все это выражается в фантазиях типа переноса столицы из Петербурга в Константинополь, отказа от железных дорог и публичной порки Веры Засулич [10–13].

После 1917 года, на короткий период, возникла почва для расцвета уравни- тельских идей. Массовое сознание восприняло из марксизма именно критику не- равенства, прежде всего. Однако, практики «реального социализма» достаточно быстро продемонстрировали утопичность идей всеобщего равенства. Сформиро- вался целый набор систем дифференциации. Помимо частичного восстановления капиталистических механизмов денежного хозяйства и материальной заинтере- сованности, стимульное значение имела система номенклатурного роста, карьер- ного продвижения в разных областях деятельности, неравенство в распределении «общественных фондов потребления».

Поэтому советское наследие содержит в высшей степени размытое, проти- воречивое представление о неравенстве. В общественном сознании уживались идеи формального равенства, «культы личности» (в официальном определении XX съезда КПСС), номенклатурной иерархии. С удивительной быстротой совет- ское общество создало элиту, к 80-м годам полагавшую свой статус безусловным, почти как английская, французская знать, возводящая происхождение своих бла- городных предков к эпохе крестовых походов. И именно персональный состав элиты изменился в наименьшей степени после 1991 года, в сравнении с другими советскими установлениями.

Крах СССР, однако, изменил ситуацию таким образом, что прежний хаос представлений о неравенстве может показаться, в сравнении с тем, что имеет ме- сто сейчас, стройной системой.

Во-первых, часть общества приняла «либеральный миф» в чистом виде: не- равенство воспринимается этими людьми, как социальная необходимость, непре- ложное условие функционирования социальных институтов. Они верят, будто без «социального дна» некому будет выполнять «непрестижную» работу, исчезнет конкуренция за рабочие места, мотивация к добросовестному труду. В то же

время, деньги, каким бы путем ни были добыты, воспринимаются, как индульгенция, дающая право вести себя, как угодно.

Во-вторых, есть так называемые «консерваторы», полагающие величайшим изобретением общественной мысли сталинскую систему иерархического неравенства. Человек, хорошо выполняющий указания вождя и его подручных, движется по социальной лестнице вверх, обретая все больше прав и привилегий, которые, впрочем, вышестоящие могут в любой момент отобрать без объяснения причин. Комментировать это так же бессмысленно, как комментировать мазохизм: нормальный человек все равно не поймет, а мазохист не поймет, как можно получать удовольствие от чего-то другого.

В-третьих, есть очень слабо представленный социал-демократический дискурс. Он предполагает упорядоченное, справедливое общество, построенное, собственно, не на равенстве, и не на справедливости, а на признании за каждым человеком определенного набора прав и обязанностей. По существу, это перераспределительное общество, не мешающее каждому реализовать свой потенциал в той мере, в какой сможет, но отнимающее у людей успешных определенную часть доходов в пользу слабых. Слабость развития этой идеи в России говорит не в пользу нашей общественной нравственности.

В-четвертых, продолжает воспроизводиться уравнивательная традиция в своеобразном прочтении. Если в европейских странах ее идеалом было коммунальное равенство, в России речь идет о некоей форме патернализма. Парадоксальным образом, люди, воспринимавшие в 70–80-е годы советское государство, как несправедливое, вообразили, что, в результате его краха, установится не либерализм, а нечто вроде «социализма с человеческим лицом», разумеется, не в том виде, как его понимал М. Горбачев, а как им это виделось, то есть фантастическое общество, в котором все работают кое-как, но у государства откуда-то берутся ресурсы на то, чтобы всем построить жилье, дать сверхдешевые коммунальные услуги и транспорт, контролировать на сверхнизком уровне цены на потребительские товары, и, разумеется, обеспечивать бесплатные медицину и образование.

Это даже не утопия, а нечто вроде картины из полуденной дремы Манилова, к тому же, нетрезвого.

В-пятых, имеют место иллюзорные формы представлений о социальном неравенстве, переадресующие разрешение связанных с ним проблем к иным формам общественной организации. Социальная справедливость понимается, при этом, как обеспечиваемая в контексте приоритета национальной, или религиозной, общности. По этому поводу достаточно будет ограничиться констатацией очевидного факта: подобные решения выводят нас за пределы легитимного политического и правового пространства, поскольку современная Россия не является ни теократическим, ни национал-ориентированным государством. Уважение к национальным и религиозным чувствам никоим образом не означает подмены ими политических, социокультурных, экономических инструментов управления современными социумами.

Гендерные отношения являются для общества формообразующими. Они конструируются, имеют, прежде всего, культурную, а не биологическую, природу. С осмысления отношений полов начинается социальность, формирование механизмов общественной связи. Именно с ощущением этой первостепенной важности гендерных отношений, далеко не всегда осознанно рефлексивной, но воспринимаемой, как значимая, связана острота общественного восприятия транскультурных различий стандартов в этой области. Разумеется, абсолютное большинство людей, принадлежащих к общностям, в культуре которых доминируют стандарты гетеросексуальности, затруднится четко объяснить, чем именно вызвано отторжение ими гомосексуализма, но совершенно отчетливо рефлексивует его неприятие. Это происходит потому, что в их культуре масса ценностей, паттернов, образов, связана именно с отношениями мужчины и женщины, а не какой-то иной моделью.

Доминирующей, на протяжении почти полувека, оставалась концепция, базовые положения которой сформулированы Т. Парсонсом. Она основана на утверждении позитивной функции дифференциации половых ролей, которая

подтверждает существование гендерных стереотипов в обществе. Семья рассматривается в контексте четырех переменных: адаптации, целеполагания, интеграции, сохранения образца. Эти функции семья выполняет как целое, причем допускается возможность перераспределения ролей в семье.

По сути, уже в этой схеме отторгается абсолютизирование гендерных различий, как заложенных в биологической природе человека. Однако, полный отказ от них происходит лишь с разработкой теория социального конструирования гендера. Она основана на двух постулатах: 1) гендер конструируется (строится) посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, средствами массовой информации; 2) гендер конструируется и самими индивидами – на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации), принятия заданных обществом норм и ролей и подстраивания под них (в одежде, внешности, манере поведения) [14].

Принято полагать, на основании кросс-культурных исследований, что люди маскулинных культур имеют более высокую мотивацию достижения, смысл жизни видят в работе и способны много и напряженно работать, а фемининные культуры с низкой дистанцией власти (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция) имеют личностно-ориентированные семьи, которые способствуют усвоению равенства в гендерных ролях, в то время как культуры с высокой дистанцией власти и ярко выраженной маскулинностью (Греция, Япония, Мексика) – имеют семьи, ориентированные на фиксированные гендерные ролевые позиции, способствующие жесткой дифференциации в гендерных ролях [15]. Очевидно, что уже представленные здесь формулировки носят оценочный характер. Именно такое положение дел является общепринятым, воспроизводится в самых различных изданиях, начиная с популярных.

Осуществленный нами анализ интервью позволяет говорить о глубоком кризисе института семьи. Наш респондент, девушка 24 лет, анализирует свой негативный опыт семейной жизни: *я выросла в полной семье, в моей семье родители работают оба. Все свободное время мы проводим вместе с семьей, у нас очень*

много семейных традиций, таких как: совместный поход в кино, в кафе, совместное приготовление пищи, так же мы часто устаиваем семейные ужины.

В семье моего бывшего мужа все по-другому. Деньги зарабатывает мама, у отца сезонная работа. Свободное время родители моего мужа проводят отдельно друг от друга: мама со своими подругами, отец с друзьями. Первое время мы жили у его родителей. У меня было ощущение, что я живу в общезжитии, где никому нет друг до друга дела. Когда я представляла свою семью, я хотела, чтобы у меня было все как в семье моих родителей, но для моего бывшего мужа это было не привычно, и он предпочитал отдыхать отдельно от меня.

Когда я начала встречаться с Романом, я сразу почувствовала, что хочу выйти за него замуж. Он очень красиво ухаживал, водил в кафе, в кино, мне казалось, что с ним я не буду ни в чем нуждаться, и действительно буду ЗА МУЖЕМ. Мы были в одной волонтерской организации, все свободное время проводили в ней, благодаря этой организации, нам казалось, что у нас много общих интересов. Но когда мы из нее ушли, столкнулись с проблемой, что нам не о чем поговорить и нечем заняться. Тогда мы занялись поиском общего хобби. Так мы пришли в лазертаг.

Нам было очень тяжело привыкнуть друг к другу. Я сова и привыкла ложиться спать в 12 и просыпаться в 10, Рома-жаворонок, привык ложиться в 8 и просыпаться в 5 утра. Получалось, что я мешала ему вечером, а он не давал мне спать с утра. Со временем мы оба стали ложиться в 10 и просыпаться в 7–8 утра.

Некоторые моменты этой истории, действительно, напоминают спор малых детей в песочнице: во сколько вставать, какие клеить обои; участники конфликта не дают друг другу свои игрушки и даже кидаются кошачьим дерьмом. Но за этим стоит реальная распавшаяся семья, и хорошо еще, без ребенка, родить которого проще, чем научиться договариваться об элементарных вещах.

Со временем я практически перестала общаться со своими друзьями, моему мужу было не интересно с ними общаться. Я более толерантно относилась к его друзьям, поэтому мы стали общаться в его компании. Всем моим подругам

он раздал обидные прозвища. Мне было крайне неприятно, что он не хочет найти общий язык с моими подругами.

Мой муж хотел, чтобы я все время развивалась: читала книги, смотрела видео уроки, мотивирующие фильмы. Когда он видел, что я смотрю сериалы, он расстраивался и злился. Поэтому все свободное время я занималась не домом, а читала книги и развивалась. Мне очень не нравилось то что я не могла заняться тем, что я хотела.

Я работала 5 дней в неделю, по традиции в субботу я занималась уборкой, а в пятницу приводила себя в порядок. У моего бывшего мужа были другие планы на выходные – походы в кафе, кино, встречи с друзьями. Он очень злился, когда я ему говорила, что не могу пойти с ним. Поэтому мне приходилось каждый раз откладывать свои дела, у меня не получалось содержать дом, со временем мне перестало нравиться как я выгляжу. У меня началась затяжная депрессия. Знакомые посоветовали мне семейного психолога, но ходить к нему мне пришлось одной, так как Роман считает походы к психологу пустой тратой денег. Я очень старалась наладить наши семейные отношения, но у меня было ощущение, что это нужно мне одной.

Более того, Рома категорически не разрешал мне наводить дома уют. Все купленные мною атрибуты дома, отдавались друзьям, родителям или выбрасывались. Доходило до смешного: как-то я купила домой маленький цветок, высотой 1 см.ROME он не понравился, и он потребовал выкинуть его. Когда я отказалась, он достал из кошачьего лотка, кошачий фекалий, и положил его рядом с кроватью, сказав, что это красивее моего цветка, и будет лежать до тех пор, пока цветок не будет в мусорке. Этот цветок я очень давно хотела, поэтому мне было до слез обидно, что мне придется от него избавиться, а еще больше мне обидно за то, что мой муж не идет на уступки. В связи с этим конфликтом мы не разговаривали несколько дней. По поводу ремонта вообще было договориться невозможно. Мы не могли договориться ни по поводу обоев, ни еще по какому-либо поводу. Поэтому мы поделили комнаты: зал, туалет ремонтировал он, кухню, спальню и ванную – я.

Деньги в этом споре выступают в роли универсального мерил ценности. Для респондентки важно, как они распределялись в родительских семьях; именно в деньгах она измеряет степень непонимания в их отношениях с мужем; 200 рублей, в конечном счете, становятся поводом к разводу. И деньги, действительно, определяют логику жизненного кризиса двоих людей, но совсем иначе, чем им кажется.

На почве того, что мне приходилось себя во всем ограничивать и подстраиваться под Романа, у меня начались серьезные психологические проблемы – агорафобия и панические атаки. Мне становилось все хуже: я не могла выйти из дома, перестала нормально питаться и сильно похудела. Моя мама приезжала утром и вечером и кормила меня насильно. Я стала все чаще ночевать у родителей, потому что только там я могла спокойно уснуть. Со стороны моего бывшего мужа не было никакой поддержки, он считал, что все свои проблемы я сама себе придумала и они не серьезные. Однажды утром у меня была сильная паническая атака, я вызвала себе скорую помощь. Я попросила Рому побыть со мной до ее приезда, но он отказался, аргументируя это тем, что он опоздает в спортзал перед работой. Я не могла поверить в то, что он бросил меня в такой трудной для меня ситуации. Мне так было больно, что меня предал мой муж. Я бы никогда не оставила его в такой ситуации.

Рома пытался контролировать всю мою жизнь, включая бюджет. Мне приходилось отчитываться, за каждый потраченный рубль несмотря на то, что это было куплено на мою зарплату. Поэтому я была вынуждена скрывать свой доход и прятать свои покупки. Однажды Роме понадобилась моя карточка, и он пошел с ней в банк. Он решил меня проверить, и проверил по чекам последние мои покупки. Увидел, что я его обманывала, позвонил и устроил скандал, потребовал, чтобы я отдавала ему все свои деньги, я отказалась, и тогда меня поставили перед фактом: у нас будет отдельный семейный бюджет. У меня не было другого выбора, кроме того, как согласиться. Здесь началось самое сложное: у Романа заработная плата была в два с половиной раза больше чем у меня. Бывали случаи, когда Рома ходил отдыхать без меня, потому что у него были на это

деньги, а у меня нет. Я не могла понять, как такое, возможно, что мой муж куда-то ходит без меня, и еще было более обидно то, что он не может за меня заплатить в кафе или кино. В то время пока он развлекался, я сидела дома и читала книги. К тому моменту я уже понимала, что наш брак уже на грани развала, но что-то изменить я была не в силах. Последней каплей стал мой поход на соревнование по лазертагу. Мне не хватало двухсот рублей для участия, я попросила Рому занять мне денег, на что получила отказ и предложение занять их у кого-то другого. Мне было не понятно, почему я должна занимать деньги у чужих мне людей, когда у моего мужа они есть, я расплакалась и закатила скандал, на что услышала, что я плохая жена и не умею экономить деньги. Этот скандал стал для нас последним, потому что Рома собрал свои вещи и подал на развод.

Это история двух не повзрослевших детей, адаптированных, собственно, только к жизни в родительских семьях. Им кажется, будто они взрослые, потому что в карманах есть деньги, достаточно, чтобы расплатиться в кафе. «С ним я не буду ни в чем нуждаться», воображает девушка, полагающая, что семейная жизнь устроена просто: муж приносит деньги, она создает в доме уют, и все счастливы. А муж был сам собой только в момент ухаживания, когда они вместе развлекались, занимались волонтерством, играли в лазертаг. Обоим даже не пришло в голову задуматься, все ли нормально, если, кроме нехитрых хобби, им не о чем друг с другом поговорить.

Миллионы девушек и юношей слушают пронзительное «Я дарю тебе одиночество» Романа Билька, виня в своем одиночестве друг друга. Деньги создают лишь иллюзию понимания, простоты отношений; но, для абсолютного большинства пар, настает момент, когда денег уже недостаточно, нужно взаимопонимание, которого нет.

Примечание: «Говори», песня из четвёртого студийного альбома рок-группы «Звери» «Дальше», записанного в 2007–2008. Альтернативный рок. «Музыка «Зверей» смотрела в лица обитателей районов-кварталов так же при-

стально, как камера кинооператора, она буквально в порах их кожи. Ты испытывал острую классовую ненависть к лирическому герою господина Билыка, ненависть на грани комплекса. Тебя выводили из равновесия просчитанные до миллиметра драматургия и характеры из клипов «Зверей», а также сходство Ромы Билыка с Константином Хабенским. Значит, ты просто жил в других районах. А в этих районах жизнь лучше описывает только все более разветвляющийся дворовый российский рэп, но рэперу труднее быть романтиком, чем парню с гитарой», писал Борис Барабанов [16].

Еще одна история одиночества представлена в следующем нарративном интервью: я вырос в обычной среднестатистической, российской семье. Наша семья в принципе особо не отличалась от других семей, такие же правила, такие же порядки, такие же нормы морали. Отец был главой семьи, его слово в семье было законом. Мы часто отмечали праздники, собирались большой семьей, так же часто приходили к нам гости. Но если посмотреть со стороны, то все это было похоже не столько на то, что это семейный уют, сколько на то, что это просто так надо, и так должно быть. В нашей семье очень ценятся и уважаются моральный устой, почитают старших. Моя семья религиозна, исключая меня.

Родительские нормы, устоявшиеся в семье, та мораль, которая присутствовала и летала постоянно в воздухе, кардинально отличается от моих взглядов на жизнь.

У меня был довольно специфичный первый сексуальный опыт, он был осознанным и навеянным силой природы. Специфичность этого опыта заключалось в том, что он был с девушкой за деньги. После этого я сильно жалел о том, что это случилось именно так.

В принципе в школьное время и не думал о отношениях, и так каковой проблемой для меня это не являлось. Я никогда не искал никаких отношений с противоположным полом. Так таковых отношений до 20 лет у меня не было, ни серьезных, ни длительных. После армии я познакомился с девушкой. Особо не

умея, и не обладая навыками соблазнения, знакомство с ней давалось мне довольно трудно и в то же время легко.

Она хотела чего-то большего от наших отношений, но я был не готов к такому исходу событий. Очень часто она упрекала меня в том, что я слишком мало внимание уделял ей, и слишком мало подарков дарил. Так же часто скандалы у нас возникали на почве траты моей зарплаты, она хотела знать куда, и сколько я трачу. Она часто давала понять, что мне стоит тратить меньше и на что-то собирать, для меня это было ущемление моих прав, что тоже поспособствовало значительным фактом при расставании. Она хотела от меня, чтобы я, как и она, в омут с головой ушел в отношения. Для меня это все было аморально. Я вообще не понимаю, как так долго я смог пробыть в этих отношениях. Мне хотелось больше свободы и меньше серьезности. В конечном итоге мы пришли к такому выводу, что лучше нам не мучится и прекратить общение. Сейчас же я понимаю, что если бы она не давила с такой силой на меня, то было бы все по-другому. Потому что несмотря на все недопонимание, я ее любил.

Мне полностью хватает и хватало того, что я зарабатываю, у родителей я брать не могу, принципы. Недостаток денег для меня, это ущемление себя в выборе того или иного. Я тратил бы деньги на путешествия.

На развитие миропонимания нашего респондента большое влияние оказал опыт взросления в семье, где сохранение «ячейки общества» любой ценой было безусловной нормой. И мы видим, что результатом оказываются душевные травмы, иные, чем в распавшихся семьях, но не менее тягостные. Мы не знаем, отчего отношения в родительской семье нашего респондента превратились в сплошные ссоры, но знаем последствия. К сожалению, как основной урок он выносит необходимость защиты своей индивидуальности от близких людей. Эта установка и становится главной причиной его одиночества. Отношения не строились не потому, что у него и его девушки были разные взгляды на жизнь, а потому, что он, собственно, и не искал человека, с которым установится взаимопонимание, а «плыл по течению».

Следующий наш респондент рассказывает о своем опыте попытки создать семью: *Я все детство мечтал о счастливой семье, смотря на семьи своих друзей, мне хотелось домашнего очага, и семейного уюта... мы случайно встретились в ресторане, вскоре мы начали общаться очень тесно, мне казалось что это именно то что мне нужно, я никогда не испытывал такие сильные чувства ни к кому, как к ней... стали мы ругаться из-за того что она не особо хозяйственна, чтобы позавтракать нам приходилось заказывать еду, а мне хотелось уюта и семейного очага. Это все, наверное, из-за того, что у меня никогда не было этого, и я хотел, и до сих пор хочу, чтобы в моей семье было все по-другому, нежели чем как было в моем детстве. Денег у нас всегда хватало, мы никогда с ней ни в чем не нуждались, отец давал столько, сколько я просил. Но мы очень часто ругались из-за них, она считала, что я много трачу не на нее, мне было обидно, я думал о том, что она во мне видит только «кошелек», но я гнал эти мысли прочь от себя, так как не хотел терять наши отношения. Но вскоре в наших отношениях стали происходить вечные скандалы, у меня лопнуло терпение, я стал ей выговаривать о ее неумении ничего делать по дому, меня очень злило то, что она вечно ходила и покупала «тряпки», а она меня все время упрекала, что мало внимания ей, что мало подарков, цветов... Мне было очень больно, ведь столько мы прожили вместе, пусть и были ссоры, и были обиды, но я понимал, что так больше продолжаться не может. Сейчас мы с ней не общаемся, она почти сразу начала новые отношения, уехала жить за границу.*

В определенном смысле, это очень обычная история ребенка из распавшейся богатой семьи. Франсис Вебер в 1976 году сделал из этой истории бестселлер с Пьером Ришаром «Игрушка», привлекая внимание зрителей именно коллизией бунта сына миллионера, мечтающего о человеческих отношениях [17]. Вместе с тем, речь идет о форме конфликта, во многом определяемой именно текущей ситуацией в России. Молодой человек, привыкший, что легко доступных девушек вокруг полно, были бы деньги, не вдумывается особо в то, что именно можно купить, а что нельзя.

Проблема его в том, что он, собственно, от начала и до конца истории ничего толком не знает о своей девушке. Была ли она помешана на «тряпках» всегда, или так стало только с ним, потому что он давал ей деньги вместо внимания; чего она хотела от жизни; как действительно относилась к нему – все эти вопросы не то, что остались без ответа, а вовсе не были заданы. Между тем, задайся он ими, то подумал бы о том, что ресторан – явно не лучшее место для поиска спутницы жизни, и вообще в привычных тусовках он найдет только «охотниц за кошельками». Собственно, у него нет и сколько-нибудь ясной программы того, что он, собственно, как мужчина, может предложить этой самой спутнице, кроме отцовских денег; есть лишь невнятная тоска по взаимопониманию и хорошей семье. Поэтому жизненная стратегия, которую он, в конечном счете, вырабатывает, сводится к защите своего одиночества. При отсутствии внятных карьерных целей этот путь чреват распадом личности.

Деньги, как универсальный рыночный регулятор, могли бы, теоретически, выступить инструментом упорядочивания гендерных взаимодействий. Однако, в массовом сознании нашей страны распространено представление о кардинальной важности духовных ценностей, неприемлемости меркантилизации семейных отношений. Это представление приходит в противоречие с практиками гендерных взаимодействий. Прежде, чем вносить в них коррективы через школьное воспитание, социальную рекламу, необходимо сформировать новую идеологию семейной политики.

Список литературы

1. Бобков В.Н. Социальная уязвимость российского общества вследствие высокого неравенства уровня жизни / В.Н. Бобков, О.В. Вередюк // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – №1. – С. 7–16.
2. Акьюлов Р.И. Рост экономического неравенства в России: социально-политические последствия // Вопросы управления. – 2014. – №1 (7). – С. 133–137.

3. Оганисян Ю.С. Социальные тупики либеральных реформ в России. Проблема неравенства // Неравенство в современном обществе. Политические и социальные аспекты Сер. «Согласие в обществе как условие развития России». – М., 2015. – С. 58–73.
4. Бакланцева Л.А. Социальное неравенство как основной барьер для реализации реформ в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2014. – №3. – С. 148–156.
5. Головинова Ю.В. Реализация международных стандартов прав женщин как один из показателей демократизации современного российского общества // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2016. – №1 (43). – С. 30–34.
6. Козырев А.А. Ценностные ориентации государственных служащих: гендерный аспект / А.А. Козырев, Д.А. Горячева // Управленческое консультирование. – 2015. – №9 (81). – С. 8–19.
7. Василенко Л.А. Государство и гражданское общество в борьбе с гендерной дискриминацией: антагонизм или синергия? / Л.А. Василенко, М.А. Кашина // Коммуникология. – 2015. – Т. 3. – №6. – С. 13–24.
8. Жуков С.В. Гендерные аспекты ценностных ориентиров современных городских подростков 12–16 лет / С.В. Жуков, Д.П. Дербенев, Е.Г. Королюк, М.В. Рыбакова, В.П. Петров, М.К. Терещук, Т.В. Семакова, Н.В. Шарый // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №3. – С. 195.
9. Лабанов С. Константин Леонтьев: философ, эстет, геополитик и монах // Интернет-Журнал Сретенского монастыря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/culture/leontiev.htm>
10. Православный Восток в трудах общественных и церковных деятелей России XIX века // Православие.Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5237.htm> (дата обращения: 23.04.2004).
11. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/leontev/03.html>

12. Емельянов-Лукьянчиков М.А. Иерархия радуги. Русская цивилизация в наследии К. Леонтьева, Н. Данилевского, О.Шпенглера, А. Тойнби. – М.: Русский мир, 2008.

13. Янов А.Л. Три утопии: (М. Бакунин, Ф. Достоевский и К. Леонтьев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=2036>

14. Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерных теорий в России и на Западе // Общественные науки и современность. – 2000. – №4. – С. 47.

15. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values. – Beverly Hills, 1984.

16. Рецензия Бориса Барабанова на альбом «Дальше» // Коммерсантъ-Weekend [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1055930>

17. Le Jouet // Internet Movie Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imdb.com/title/tt0074720/>

Яковлев Лев Сергеевич – д-р социол. наук, профессор Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиала) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Саратов.

Yakovlev Lev Sergeevich – doctor of social sciences, professor of Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin (branch) of FSBEI of HE “The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, Russia, Saratov.

Сиротенко Олеся Александровна – студентка Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиала) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Саратов.

Sirotenko Olesya Alexandrovna – student of Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin (branch) of FSBEI of HE “The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, Russia, Saratov.